

КУЛЬТУРА

А.Н. ИЛЬИН

Массовая культура и субкультуры современного общества: специфика соотношения

Автор рассматривает массовую культуру как совокупность субкультурных явлений, заполняющих социокультурное пространство России. Оно ризоморфно ввиду гетерогенности современного социума, не подлежащего четкому классовому разделению. Каждая группа имеет собственную субкультуру, которая сосуществует с другими, не имея привилегированного положения.

Ключевые слова: массовая культура, субкультура, мультикультурализм, субъектность, культурные гетерогенность и гомогенность.

The author studies mass culture as an amalgamation of subcultural phenomena, composing the modern Russia cultural space. This space looks rhizomorphic, as a society is heterogeneous and does not submit to a clear class division: each subculture coexists with the others, having not a privileged position.

Keywords: mass culture, subculture, multiculturalism, subjectness, cultural heterogeneity and homogeneity.

Одна из основных характеристик социально-культурного пространства современной российской цивилизации – его многослойность, восходящая к соответствующей многослойности социума. Коль скоро само общество состоит из людей с разным уровнем образования, интересами и ценностями, из этой гетерогенности закономерным образом рождаются всевозможные субкультуры, чье многообразие и составляет конструктор, называемый культурой в целом. Современная культура, особенно ее массовая ипостась – это архипелаг сообществ, взаимосвязанных или индифферентных по отношению друг к другу, часто просто не воспринимающих, не видящих друг друга, а иногда и враждующих между собой. Происходит усложнение социальной организации, что обусловлено интенсификацией культурных связей и обменов и ростом культурного (а следовательно, субкультурного) многообразия. Возникают новые тенденции и явления, которые не вытесняют и не замещают предшествующие, а находят место рядом с ними, тем самым углубляя и усложняя социально-культурную комплексность, но вместе с тем привнося в нее темпоральную рассогласованность, что становится источником потенциального общественного напряжения. Исследование этого феномена в контексте социально-философского, культурологического и социологического знания – основная цель моей статьи.

Ильин Алексей Николаевич – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Омского государственного педагогического университета.

Мультикультурализм как состояние общества

Вынесение в подзаголовок текста категории “мультикультурализм”, безусловно, требует оговорить диапазон ее использования. Тем более, вследствие различий истолкования данного термина, его смысл представляется довольно размытым. Обычно под “мультикультурализмом” в широком смысле понимают парадигму межкультурной бесконфликтности, высшим принципом которой выступает сохранение и поддержание этнокультурного, лингвистического, конфессионального и др. своеобразия меньшинств в доминирующей среде. В узком значении “мультикультурализм” – государственная политика, посредством которой полиэтничные общества реализуют стратегию социального согласия и стабильности на принципе равноправного сосуществования различных этнокультурных моделей (см. [Скоробогатых, 2004, с. 148]). Такая политика, по идее, должна способствовать формированию культуры толерантности, которая, впрочем, довольно часто навязывается обществу столь агрессивно, что впору говорить о культуре интолерантности.

Поскольку оба приведенные определения акцентируют преимущественно этнический (национальный) аспект культурного своеобразия, важно указать на их контекстуальную узость в понятийной репрезентации мультикультурализма. Ведь культура бывает не только национальной, но профессиональной, традиционной, народной, массовой и т.д. Впрочем, нет смысла перечислять здесь, по каким началам происходит типологизация культур. Отмечу только, что этническое своеобразие – всего лишь одно из таковых. Поэтому под понятием “мультикультурализм” я рассматриваю далее не политику и не идеологию, а **общественное состояние**, предполагающее одновременное сосуществование различных культур, субкультур и идеологических позиций, лишенное острых конфликтов и тенденций к культурному нивелированию путем поглощения одного субкультурного комплекса другим.

Итак, многообразие субкультур указывает на гетерогенность и неоднозначность социально-культурного пространства современной России. Это состояние реальной мультикультурности предоставляет людям определенный выбор. И чем богаче культура, тем разнообразнее его варианты, но тем выше и уровень рассогласованности в культуре. “Мультикультурализм, являясь сложной многокомпонентной социальной системой, представляет собой культурное полицентрическое образование – матрицу субкультур, каждая из которых не является центральным ядром системы” [Сыщук, 2009, с. 44].

Благодаря своей принципиальной децентрированности, мультикультурализм предполагает отсутствие авторитарного внутреннего начала, которое могло бы занять роль доминанты и тем самым потянуть “культурное одеяло” на себя. Впрочем, внутри любого мультиобразованного, внутри любой плюральной системы все-таки существуют более сильные и более слабые элементы. Одни из них в потенциальном смысле могут претендовать на роль центра или лидера, а другие – на роль периферии или маргинала: в принципе любая система идей, идеология, культурная традиция претендуют на привилегированный статус общественной доминанты, поэтому вполне могут существовать внутренне плюральные системы ценностей. Но едва ли найдется возможность присутствия внешне плюральных систем: практически любая из них воспринимает наличествующего оппонента именно как оппонента.

Здесь уместно небольшое отступление. Основное свойство любой идеологемы (в том числе субкультуры) – стремление ее носителей распространять свои концепты за пределы той системы, которую данная идеология уже охватывает. Внутри каждой плюральной конструкции кроется зародыш глобализации, способной вырасти до такого уровня, что подомнет под себя все остальные, конкурирующие подсистемы идей и сядет на главенствующий “идеологический престол”. Под категорией “идеология” в данном случае я понимаю не только внутреннее содержание какого-либо культурного/субкультурного явления, но и любого светского или духовного учения – религиозного или политического (хотя довольно часто они выступают в нераздельном единстве). Если рассмотреть в таком ракурсе историю любой из мировых религий, то

с неизбежностью последует вывод о ее глобализационной направленности. Буддизм, ислам и христианство пытались занять как можно больший территориальный ареал и, соответственно, завладеть умами максимального числа людей. Зачастую для этой цели использовались военные средства. И по мере развития каждой из этих религий происходила консолидация не только отдельных групп людей, но целых этносов. А если учение как совокупность совершенно различных идей и ценностей – религиозных, нравственных и моральных – в потенциальном смысле хранит в себе стремление к расширению, то оно может стать мощным консолидирующим инструментом, а значит – фактором искусственной культурной глобализации. Поэтому в некотором роде глобалистами мы можем назвать всех, кто пытались расширить горизонты бытия “своего” народа, “своей” империи, а главное – “своей” системы ценностей: Александра Македонского, Мухаммеда, татаро-монгольских ханов, Наполеона, К. Маркса, В. Ленина, Б. Муссолини, А. Гитлера и многих-многих других.

И если рассматривать современное пространство масскульта как глобальное и плюральное, то нельзя не видеть в некоторых навязываемых культурой потребления явлениях китча, в манипулировании модой и рекламой, в массовой тотализирующей политике, исходящей из властного центра (правлящего слоя, партии и т.п.), “очаги сопротивления” ценностям свободы слова, выбора и т.д. В то же время плюрализм достигается и за счет сопротивления этим тотализирующим тенденциям. Иначе говоря, мультикультурализм состоит из множества ядер. Что самое примечательное – практически каждое из них пытается навязать свою систему идеалов и ценностей как можно большему количеству людей, организаций и других культурных ядер. Весь этот процесс напоминает фукианский взгляд на власть, которая исходит отовсюду, а не из единого строго локализованного центра.

Такая конкуренция в конечном счете может привести или к появлению центра, статус которого обретает наиболее сильное ядро, или же к некоей ассимиляции и стиранию принципиальных различий. Плюрализм как совокупность различных точек флуктуации в системе иногда приводит к реорганизации системы, а значит, к саморазрушению, так как он не может характеризоваться полным равновесием и равносильностью по отношению друг к другу всех элементов. Энтропия культуры растет, и сосуществование различий предполагает разнообразные конфигурации реальности. Наличие множества субкультур указывает на как бы плюральность, но словосочетание “как бы” означает здесь не эквивалент слова “псевдо”, а скорее эквивалент слова “относительный”. Плюрализм – не столько мифологема, сколько крайне неустойчивая система, в чем и заключается его недостаток. Плюрализм может сменить новый мизантропизм, как демократию – тоталитаризм. И такая ситуация возможна не только внутри одной страны, но и на мировом уровне.

Существует мнение, что массовая культура должна стать механизмом, элиминирующим напряженность и рассогласованность социума, осуществить циркуляцию смыслов между различными субкультурами, защитить общество от распада и сформировать основные каналы коммуникации [Костина, 2006^а, с. 28]. Однако здесь возникает диалектическое противоречие. Если массовая культура действительно должна осуществить названные функции, не придет ли она тогда в состояние однообразия? Ведь примирить между собой многие субкультурные явления не представляется возможным, кроме расширения одних за счет уничтожения других. Не приведет ли это к господству какой-либо одной субкультуры, которая тогда займет место доминирующей идеологии? Если согласиться с упомянутой точкой зрения, придется принять позицию, согласно которой массовая культура – не широкое явление, а всего лишь культурная область, занимающая место “золотой” середины и посредством этого примиряющая различные субкультуры между собой. Такое понимание масскульта близко к трактовке понятия мид-культуры, упрощающей наследие высокой культуры – арта – для его максимально доступного восприятия и осмысления массами, но и вместе с тем не ввергающей себя в пучину примитивного (в эстетическо-интеллектуальном смысле) и безразличного (в аксиологическом смысле) китча.

Как мне представляется, в действительности массовая культура в силу ее неоднородности и гетерогенности, а также иерархичности своей структуры не может быть (по крайней мере, сейчас) знаковой системой, равно доступной всем членам общества независимо от их социального статуса, профессиональной принадлежности, специфики вкусов и пристрастий и степени развития интеллекта. Конечно, вбирая в себя различные явления, она осуществляет взаимообмен смыслами и ценностями между ними, создавая тем самым состояние взаимопонимания между представителями разных субкультур. Но этот процесс затрагивает далеко не все субкультурные явления в равной мере. Некоторые из них занимают маргинальное положение, будучи почти забытыми и маловостребованными, а некоторые – снова подчеркну этот факт – находятся в диалектическом противоречии, что говорит о практической невозможности их примирения и выработки общности картины мира (см. подробнее [Ильин, 2009; 2010^а; 2010^б]).

Здесь уместен вопрос, существует ли вообще необходимость примирять и унифицировать культурное богатство? На это трудно ответить однозначно, поскольку как предельная гетерогенность, так и тотальная гомогенность негативно сказываются на общественном субъекте. В первом случае богатство культуры создает противоречивость и разорванность бытия для субъекта и выливается в конкуренцию разных наследий и традиций, а значит, и в определенное противостояние между их носителями. И если каждая группа культурологически противопоставляет себя иной, начиная использовать свой собственный язык понятий, если у каждой социально-профессиональной сферы появится свой код (или система кодов), исчезнет даже возможность применения лингвистической нормы с целью разделения явлений на нормальные и ненормальные (см. [Джеймисон, 2000]).

Во втором случае наступает культурная, а вместе с ней и идеологическая тотализация, так как степень культурной свободы непосредственным образом связана со степенью идеологической свободы. Трудно вспомнить какую-либо историческую эпоху, когда культура отличалась особым богатством, широтой и изобилием, но идеология была тотальна в своей узости и едина для всех, равно как сложно реставрировать в памяти обратную ситуацию культурно-идеологического состояния.

В этом смысле глобализация в ее негативной форме – не как естественный процесс, а как искусственное явление, стимулируемое, например, мальтузианскими идеями о необходимости сокращения населения планеты (теория “золотого миллиарда”) или этатистской политикой транснациональных корпораций, – упрощает культурное наследие различных этносов в попытке нивелирования соответствующего пространства путем приведения всех существующих культур к общему нормативу-знаменателю. Это повлечет за собой определенную интеллектуально-культурную варваризацию общества, отрыв индивидов от своих социокультурных корней и превращение их в людей, забывших свою историю и гражданство, номадических индивидов (см. [Ильин]).

Но вернемся из глобального контекста в российский. Когда речь идет о сфере отечественной массовой культуры, обычно приводятся аналогии с поп-культурой США. Ведь та возникла как раз благодаря разнообразию культурных традиций и необходимости поиска общего для них языка, способного преодолеть социальное “разноречие” этносов [Рахимова, 2008]. Россия – тоже этно- и конфессионально гетерогенная страна; по критерию разнообразия традиций она близка к Америке. Но в данном случае не стоит смешивать понятия “популярная” и “массовая культура”: первая – частное проявление второго, нечто действительно усредняющее, некий условный центр, локализованный строго посередине общекультурного материала и пытающийся притянуть к себе все культурное многообразие периферии. Поп-культ отчасти можно отождествить с мид-культурой (средне-профессиональный уровень), но массовая культура выступает все-таки как более широкое явление, включающее в себя указанный центр.

В современной российской культуре едва ли возможно проследить какую-либо одну доминирующую ветвь, наиболее выделяющуюся среди всех остальных, что го-

ворит о ризоморфности культурного пространства нашей страны. Эти субкультурные явления можно уподобить так называемым дискурсивным практикам, и определенное число индивидов, относящихся к той или иной культурной традиции, выражаясь словами М. Фуко, определяют свою сопринадлежность через обобщение одного и того же корпуса дискурсов [Фуко, 1996]. Они признают и принимают единый комплекс норм, правил и вкусов, свойственный данному дискурсивному пласту культуры. Какая-либо дискурсивная практика – не только фактор образования культурной связи между индивидами, но и основание для их культурной идентификации. “Мы – реальные пацаны, – говорят, например, носители околориминальной субкультуры, – так как мы уважаем шансон и живем по понятиям”. В этом утверждении как раз прослеживается приверженность к некоему дискурсивному пласту культуры, где обобщение “Мы” означает коллективную принадлежность к чему-то одному. В нем также может быть заключено противопоставление по отношению к некоему “Они”, под которыми могут подразумеваться представители других субкультур, имеющих мало общего с данной: интеллектуалы, эстеты и др.

Имеет смысл поставить вопрос о сопричастности и соотносительности дискурсивных пластов, о том, как они могут сосуществовать рядом друг с другом. Подобно фукианскому рассмотрению дискурсов как прерывных практик – перекрещивающихся, соседствующих друг с другом и вместе с тем исключаящих один другого, – поле существования субкультур также характеризуется процессами пересечения и исключения. Так, трудно провести четкую грань между культурой битников и хиппи, поскольку их идеи очень близки. Однако панки противопоставляют себя всем возможным культурам (и всей массовой культуре в целом), тем самым проявляя попытки их исключения. Также в кардинальном противопоставлении и взаимоисключении находятся идеи глобализма и антиглобализма, национализма и интернационализма.

Любому человеку присуща потребность к принадлежности какой-либо общности, которая чем-то отлична от других общностей. Если раньше реализация чувства групповой идентичности осуществлялась по этническому (национализм) или расовому (расизм) критерию, то сейчас – в информационном обществе, по мнению А. Барда и Я. Зондерквиста, виртуальные субкультуры, заменяя собой феодальные деревенские общины и капиталистические национальные общности, приводят как к исчезновению государственных границ, так и к установлению новых границ между различными сообществами [Бард, Зондерквист, 2004].

Собственно, появление новых сообществ знаменует собой появление новых границ. Но я не могу согласиться с цитируемыми авторами, что государственные границы исчезают, а национализм не имеет будущего. Такое утверждение, особенно принимая его футурологический аспект, весьма спорно. Скорее наоборот, если говорить не о географических реальностях, порожденных глобализацией, а о ментальной самоидентификации индивидов с какими-либо сообществами, прежние границы, в том числе государственные, национальные и расовые, остаются (о чем говорит, например, существование в наше время неонацистов/неорасистов). Но к ним добавляются новые за счет появления иных сообществ и, соответственно, субкультур. Так что вполне возможно, что в глобальном обществе будущего останутся очаги национализма или национального традиционализма, сопротивляющиеся культурно-национальной унификации.

Известно, что в современном обществе, наполненном множеством практик социального поведения, формируется мозаичное сознание индивидов, что приводит к отсутствию целостного представления субъекта о самом себе. Этот гиперплюрализм, с одной стороны, дает субъекту многообразие вариантов для самоидентификации, с другой же – затрудняет возможность обрести субъектную целостность – единую и непротиворечивую картину мира. Примеряя множество масок, ролевых моделей поведения, субъект успешно адаптируется в социальном пространстве, становится многофункциональным, но вместе с тем его расщепленное *ego* более похоже на набор субличностей, которые взаимодействуют друг с другом согласно принципам как сосу-

ществования, так и конкуренции. То есть субъектность расширяется по горизонтали, охватывая все больше и больше идеологием и поведенческих норм, но вместе с тем уничтожается как целостное явление.

Масскульт и субкультурная ризоморфность

Скорее всего, из-за неопределенности сущности культуры вообще, из-за столь ризоморфного ее характера и возникают различные субкультурные явления, ни одно из которых не имеет право на привилегированное существование по сравнению с другими. Так, в классическом понимании массовая культура противопоставляется элитарной, но индивид, уставший от всяких противопоставлений постмодернизма, стирает демаркационную линию между ними, объявляя массовой культурой одновременно *все и ничего*. Это *все* стало эстетично, политично и даже сексуально, в то время как эстетика, политика и сексуальность как отдельные области уже не существуют: они перетекают друг в друга и сливаются одно в другое в ситуации “после оргии” (см. [Бодрийяр, 2000]). Точно так же и массовое становится элитарным, а элитарное – массовым.

Сложно прочертить грань между уровнями массовой культуры, а если ее высший уровень – арт – и воспринимается как высокое (искусство, наука, образование и т.д.), то тогда вообще снимается противоречие между культурой массовой и элитарной. Ныне масскульт плавно переходит в элитарность, и даже если точкой их соприкосновения и сопричастности и выступает арт, то при этом возникает закономерный вопрос о принципиальном его отличии как уровня масскульта от подлинно элитарной культуры. Или же, глядя на эту тенденцию, можно смело констатировать отсутствие между ними каких-либо отличий, что снимает вопрос об их соотношении и постмодернизирует данную позицию.

Представляется, что выделять бинарность оппозиции “массовое–элитарное” возможно лишь в том обществе, которое действительно разделено на два соответствующих класса. Причем это деление может производиться как согласно социальному критерию (престиж, материальное состояние, общественный статус и т.д.), так и собственно культурологическому (уровень культурного, интеллектуального, нравственного и т.п. развития). Но поскольку современное российское общество не поддается такому четкому делению, нет смысла вводить бинарность при рассмотрении вопроса о культуре.

По моему мнению, все нынешнее культурное пространство России целесообразнее представить не в виде традиционной **оппозиции** “массовое – элитарное”, а как **совокупность субкультурных явлений**, сосуществующих друг с другом. Конечно, деление культуры на три уровня (китч – низкое, мид – среднее и арт – высшее) остается, но в таком случае необходимо определиться с критерием, согласно которому данное членение производится. Я выдвигаю в качестве такового **субъектность** как основную психологическую характеристику человека, объединяющую в себе такие качества, как *осознанность* (рефлексия), *целостность* (четкость и устойчивость мировоззрения) и *самодетерминированность* (способность управлять собой вместо того, чтобы отдаваться во власть внешних обстоятельств). Таким образом, низкий уровень культуры – та область, которая поработает субъекта и разрушает эти его качества; средний – его сохраняющая и дающая возможность потенциального развития; высокий – создающая условия для его развития.

Каждая субкультура представляет собой определенный социальный элемент, отличающийся от других элементов своими ценностями и нормами. И соответственно, трудно выделить какие-нибудь общие для всего современного социума нормы и эталоны, которым не было бы отказано в доступе при проникновении в любые субкультурные явления и которые равнозначно принимались бы их носителями. Эту мысль удачно выражает Е. Валевич: «Если ранее кто-то или что-то выступало в качестве эталона, и этот эталон навязывался непосредственно массовому обществу, то сегодня

происходит тщательный анализ (обработка) самого эталона, он модифицируется в массу “вторичных эталонов”, предназначенных для разных групп общества. И тиражирование этих эталонов в дальнейшем осуществляется уже в каждой определенной группе, а не всего общества. Таким образом, массовая культура на новом этапе массовизации создает не один, а множество эталонов» [Валевич, 2008, с. 91]. Добавлю, что это не просто множество, а множество равноуровневых (имея в виду уровни массовой культуры) эталонов.

Если же многообразие субкультур говорит о высокой степени гетерогенности российского общества, то следует согласиться с мыслью А. Костиной, утверждающей, что сегодня специфику массовой культуры определяют процессы демассификации, дестандартизации и персонализации [Костина, 2006⁶]. Однако всегда ли это так? Конечно, общество в целом теперь не подчинено строгим правилам и запретам, характерным для тоталитарных режимов, но вместе с тем эта тотализация субъектности может иметь место на локальном уровне – внутри не массовой культуры как таковой, а какой-либо субкультуры в отдельности. Так, широкое распространение тоталитарных сект вряд ли можно связать с культурной демократизацией и персонализацией. Скорее наоборот, сектантство связано с неопределенностью самоидентичности современных людей, с размытостью их идеалов и ценностей, с характерным для сегодняшней России процессом отчуждения всех и вся и, конечно же, с социальной напряженностью, порожденной многими причинами – от бедственной экономики или действий правительства, нарушающего узаконенные в Конституции человеческие права и свободы, до терактов или предельно напряженного и ускоренного темпа жизни, отличающего нынешнее постиндустриальное общество. Все эти явления несут определенный негатив, субъективно переживая который, индивид, разочаровавшийся в правительстве и многих других официальных общественных институтах, пытается найти себя “по ту сторону” – в сектантстве, молодежных неформальных движениях и т.д.

Кроме того, человеку всегда есть куда пойти и к кому примкнуть, поскольку в плюриальной (лучше сказать, околоплюриальной) культуре для этого существует неплохой выбор растущих, как грибы после дождя, культурно-идеологических сообществ. Раньше у нас была одна деперсонализирующая культура – советская, а теперь их много. Конечно, далеко не всем из такого рода субкультур присущ деструктивный характер, но для некоторых из них он имманентен. Да и сам гиперплюрализм оборачивается отчужденностью: человек может вступить в любую группу или общину, но она – ввиду наличия огромного количества идеологических сообществ – вряд ли будет включать его близких или знакомых, как это было во времена, когда подобной многовариантности не существовало. Поэтому гиперплюрализм способен не только предоставлять людям выбор, но и отчуждать их друг от друга. В недавние времена к идеологиям относились почтительнее, нежели сейчас: чем их больше и чем менее проявляется привилегированное положение одной по отношению к другим, тем несерьезнее к ним относятся. Легко можно принять ту или иную “веру” и с не меньшей легкостью отказаться от нее. Идеология как система ценностей, десакрализуясь, превращается в предмет обыденного потребления.

По замечанию Э. Тоффлера, благодаря субкультурам, в которые мы – осознанно или нет – входим, формируются наши индивидуальности [Тоффлер, 1997]. Однако эта мысль представляется весьма спорной, так как можно утверждать и обратное: благодаря субкультурам наши индивидуальности уничтожаются. Нельзя сказать, что какое-то из этих утверждений верно, а какое-то нет; скорее, они взаимодополняют друг друга, тем самым подразумевая наличие как положительных для индивидуальности субкультур, так и отрицательных. В принципе все разнообразие субкультур, в которые каждый из нас входит, целесообразно разделять по степени и характеру их влияния на индивидуальность, то есть субъектные качества.

Это утверждение касается всех типов субкультур. Так повелось, что в основном данный термин относят к политико-идеологическим молодежным течениям, таким как хиппи, панки, рэперы, скинхеды, готы, эмо. Но на самом деле понятие “суб-

культура” может прилагаться к любой сфере человеческого бытия. Выделяются же субкультуры, отражающие профессиональную принадлежность их носителей (полицейская, врачебная, научная и т.д.) или связанные с интересами в области литературы: любители фантастики, детективов, классики, фэнтези, толкиенисты (сообщество последних связано не просто чтением любимого автора – содержание его книг определяет весь их образ жизни). Религиозные организации тоже можно считать субкультурами, так как они имеют свои, отличные от других, традиции и ценности и стремятся к объединению людей. В общем, учитывая классическое разделение культуры на такие элементы, как религия, искусство и наука, внутри каждой из них можно найти наличие специфических субкультурных явлений. К этим элементам следует добавить еще и быт как наиболее широкую область, включающую в себя сферу труда и досуга – повседневность.

В рамках данного текста нецелесообразно фокусироваться на каком-то конкретном субкультурном течении, свойственном современному российскому обществу, и вскрывать специфику механизма его влияния на субъектные свойства человека, вовлеченного в подобную среду. Тем более этот актуальный вопрос в своих конкретных проявлениях был неоднократно исследован в работах, посвященных изучению воздействия на человека и его психические качества различных сект и религиозных организаций несектантского типа, молодежных движений и сообществ (см., например, [Яковлева, 2009]). Здесь же уместнее рассмотреть интересующую проблематику не на уровне микрофизики воздействий на человека тех или иных идеологических явлений, а в более общем формате – описать специфику современного мультикультурализма и рассмотреть проблему соотношения массовой культуры и субкультур.

В этом смысле попытки отделить зерна от плевел – провести четкую демаркационную линию между различными субкультурами, сказав, что одни влияют положительно на субъектность, а другие, наоборот, отрицательно, – будет представляться, минимум – редукцией, а максимум – ошибкой. Так, негативизм как предельная форма противопоставления себя всему обществу в целом может иметь место внутри почти любой субкультуры (а не только панков, как это в основном считают). Равно как одновременно с этим человек может проявлять абсолютный конформизм по отношению к той культурной традиции, внутрь которой он попал. То есть в рамках субкультурного комплекса, с одной стороны, может существовать негативизм (по отношению к “Они”), а с другой – конформизм (по отношению к “Мы”): два взаимосвязанных явления, не оставляющих места для субъектности. Но в таком случае имеет значение то, с какой целью человек вступает в некое сообщество. Если он это делает ради слияния с ним, убегая от гнетущей действительности, то такая эскапистская мотивация не может быть названа конструктивной. Иначе говоря, не все субкультурные явления сами по себе поддаются четкому делению относительно их влияния на субъекта – одни и те же субкультуры могут воздействовать как положительно, так и отрицательно, в зависимости от целей индивида. Так, при описанной неконструктивной мотивации, которая сама по себе характеризует недостаток развития субъектных качеств, они имеют меньше шансов развиться. При конструктивной мотивации субъектные качества, будучи достаточно развитыми до этой конструктивности, получают стимул к дальнейшему развитию через стремления самого человека и влияния на него субкультурных традиций.

Но тем не менее, несмотря на тезис о неадекватности разделения самих субкультур без учета целей вступающих в них людей, по степени их влияния на субъекта, все-таки можно с уверенностью сказать, что некоторые из подобных ценностных систем воздействуют на человека однозначно негативно или позитивно. Наиболее яркий пример – криминальная субкультура, которая приводит к практически полному регрессу субъектных качеств, изменению ценностных ориентаций, на место которых встают асоциальные установки. Культивирование такого рода представлений и традиций через искусство – музыку, литературу, телевидение и кино – ведет к культурной и интеллектуальной деградации населения, не говоря о росте преступности.

Положительное же влияние могут оказывать форумы представителей профессиональных субкультур (ученых, врачей, деятелей искусства, благотворителей и т.д.), где люди, общаясь, делятся знаниями и опытом, тем самым обогащая свой интеллектуальный потенциал и квалификацию, открывая для себя что-то полезное для дальнейшего развития как личностей. Однако профессиональные слеты (и конференции) иногда трансформируются в обычные “тусовки”, не несущие в себе никакого информационного заряда, а действующие на уровне лишь рекреационно-досугового времяпровождения, тем самым умаляя свое положительное воздействие на субъекта.

* * *

Таким образом, ныне, в эпоху глобализации с ее тенденциями к нивелированию национальных культур ризоморфность культуры или мультикультурализм – уже не столько феномен, сколько общественное состояние, некая данность. В таком аспекте мультикультурализм как совокупность субкультурных явлений, так же как и ранее культуру в ее относительной гомогенности, следует понимать в виде предельно широкого явления, не ограниченного национальными, этническими или какими-либо другими рамками. Поскольку культура включает не только этносамосознание, но и свойственные определенной временной эпохе модные тенденции и социально-политические идеологии, научные ориентиры и религиозные верования и многое-многое другое, мультикультурализм как плюральная система вмещает все это, практически ничего не вытесняя на периферию, в область маргинализма. Представляя собой предельно богатое культурными практиками явление, он дает множество идентификационных ориентиров для единичного субъекта, но вместе с тем это мозаичное богатство оказывает давление на субъектную целостность.

Гипертрофированная плюральность культуры, выраженная во множестве как бы равноценных и равнозначных субкультур, оборачивается для индивида отчужденностью, не мыслимой во времена отсутствия многовариантности и существования жестких культурологических нормативов. Излишне простой выбор удобной культурной ниши и легкость ее смены оборачивается тенденцией к деперсонификации.

Говоря о мультикультурализме как об общественном состоянии, следует все же помнить о его *лабильной природе*, так как сам по себе он нестабилен и раздираем внутренними противоречиями. Не имея какой-либо метакультурной парадигмы, притягивающей к себе все возможные культурные ценности, он обрекает свое существование на хрупкость. Но если эта парадигмальная централизирующая область проявила бы себя внутри мультикультуральности, та, обретая целостность и стабильность, потеряла бы свою плюральность, то есть исконную сущность. Ибо любая идеология, существующая в плюральном культурном пространстве, стремится получить парадигмальный статус и доминирование в нем.

Если в недавнем прошлом было типично отделять массовую культуру от элитарной, то сегодня, в информационную (постмодернистскую) эпоху, наблюдается их сращение. Можно с определенным допущением сказать, что вся культура стала массовой. Последняя, конечно, поддается внутреннему структурированию по уровням (низший, срединный и высший), но внешнее разделение исчезло, так как масскульт просто не с чем сравнивать. Современную массовую культуру из-за ее мультикультуральной гетерогенности целесообразно представлять как совокупность различных субкультур. Именно они, выступая в качестве объективного фактора, могут оказывать разное влияние на субъекта – как положительное, так и отрицательное. Но при этом следует помнить не только о семантическом содержании субкультурных явлений – их нормах, ценностях и традициях, – но и о целях, которые преследует человек, ассоциируя себя с теми или иными комплексами культуры (индивидуальный фактор). От степени конструктивности целей по отношению к самому себе и своему развитию и зависит характер влияния субкультурного потенциала на субъектность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бард А., Зондерквист Я.* Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004.
- Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М., 2000.
- Валевич Е.С.* Феномен массы в переходный период общественного развития: методологический анализ // Дисс. к. филос. н. Омск, 2008.
- Джеймисон Ф.* Постмодернизм и общество потребления // Логос. 2000. № 4 (25).
- Ильин А.Н.* Массовая культура и субкультура: общее и особенное // Социологические исследования. 2010^а, № 2.
- Ильин А.Н.* Предчувствие глобализации // Электронный информационный портал “Русский интеллектуальный клуб” (http://www.rikmosgu.ru/publications/3559/4310/#_ednref4).
- Ильин А.Н.* Проявление субъектности на различных уровнях массовой культуры // Вопросы культурологии. 2009. № 8.
- Ильин А.Н.* Трехкомпонентная модель влияния массовой культуры на субъекта // Социология: 4М. 2010^б. № 30.
- Костина А.В.* Массовая культура: аспекты понимания // Электронный журнал “Знание. Понимание. Умение”. 2006^а. № 1 (http://www.zpu-journal.ru/zpu/2006_1/Kostina/4.pdf).
- Костина А.В.* Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2006^б.
- Рахимова М.В.* О популярной культуре США // Электронный журнал “Знание. Понимание. Умение”. 2008. № 4 (<http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Rakhimova>).
- Скоробогатых Н.С.* Австралийский мультикультурализм: путь к гражданскому согласию или к расколу общества? // Общественные науки и современность. 2004. № 1.
- Сыщук О.В.* Формирование мультикультурной модели социосистемы с точки зрения синергетического принципа (на примере США) // Вопросы культурологии. 2009. № 12.
- Тоффлер Э.* Футурошок. СПб., 1997.
- Фуко М.* Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
- Яковлева Ю.А.* Нетрадиционные религиозные организации и социальная среда: дисфункциональность взаимодействия // Общественные науки и современность. 2009. № 3.

© А. Ильин, 2011

Сдано в набор 18.04.2011	Подписано к печати 31.05.2011	Формат бумаги 70 × 100 ^{1/16}		
Офсетная печать	Усл. печ. л. 14,3	Усл. кр.-отг. 8,0 тыс.	Уч.-изд. л. 18,5	Бум. л. 5,5
	Тираж 552 экз.	Зак. 1431		

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес редакции: Мароновский пер., д. 26, Москва, 119049
Издатель – Российская академия наук. Издательство “Наука”: Профсоюзная ул., д. 90, Москва, 117997
Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН
Отпечатано в ППП “Типография “Наука”»: Шубинский пер., д. 6, Москва, 121099